

²³ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 301–448.

²⁴ Кофод А.А. Указ. соч. С. 128.

²⁵ Там же. С. 118–119.

²⁶ Там же. С. 107.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же. С. 69–70, 72.

© 2011 г. С. А. НЕФЕДОВ*

К ДИСКУССИИ ОБ УРОВНЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ И ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Известно, что советские историки, так же как и дореволюционные экономисты, считали уровень потребления в имперской России крайне низким, и к тому же постепенно еще более снижающимся. Эта истина была признана и на официальном уровне в правительственных комиссиях, собравших многие тома статистических данных¹. Соответственно, причину революционных потрясений, начавшихся в 1905 г., видели в ухудшении положения народных масс, прежде всего крестьянства; главной же причиной оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли. Но в последнее время эта точка зрения была поставлена под сомнение в работах Б.Н. Миронова и некоторых других историков. По мнению Миронова, в конце XIX в. имело место «существенное улучшение материального положения большинства населения России»², и уровень его потребления «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии»³.

Прежнее объяснение революции, базировавшееся на ухудшении положения крестьянства, опиралось в своей основе на исторические и экономические законы, а именно на классическую мальтузианско-рикардианскую экономическую теорию⁴. В соответствии с ней, в условиях недостатка пахотных земель рост населения приводит к уменьшению сбора и потребления хлеба на душу населения. В аграрных обществах перенаселение приводило прежде всего к дроблению крестьянских наделов. Измельчавшие наделы уже не могли прокормить своих владельцев, и разоренные крестьяне уходили на заработки в города. Однако города не могли дать пропитание массам «лишнего» населения, в результате росло число безработных и нищих; перенаселение приводило к хроническому недоеданию, частым голодовкам, а затем – к социальным взрывам.

Период аграрного перенаселения называют также периодом «сжатия»; в одних случаях он продолжался несколько десятилетий, в других – «сжатие» быстро приводило к катастрофе. Дело в том, что в условиях малоземелья крестьяне не имеют стабилизирующих запасов зерна, поэтому случайные факторы, такие как большой неурожай или неудачная война, могут породить страшный голод. С другой стороны, хроническое недоедание вызывает рост социального недовольства и те же самые случайные факторы могут вызвать революцию. Социальные революции были достаточно обычным исходом демографических циклов: из 24 исследованных циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, 18 завершились революциями или радикальными реформами, приведшими к ликвидации крупного землевладения⁵. Однако и помимо передела земли, голод, эпидемии и гражданские войны приводили к гибели большей части населения и появлению свободных

* Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

земель. Таким образом, проблема перенаселения и нехватки земли на время теряла свою актуальность, появлялся недостаток рабочей силы, что приводило к увеличению заработной платы и потребления. Но затем население вновь начинало расти, потребление падало.

Теория циклов была разработана, в первую очередь, представителями знаменитой французской исторической школы «Анналов»; у ее истоков стояли такие известные ученые как Э. Лабрусс, Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шонно. Большую роль сыграли работы английских и немецких исследователей М. Постана, В. Абеля, К. Хеллинера⁶. Различные ученые называли циклы исторического развития по-разному: «демографическими», «общими», «большими аграрными», «вековыми», «логистическими». Мысль о том, что завершающей стадией цикла является революция, была обоснована Э. Лабруссом на примере Великой французской революции. Позднее в рамках исторической социологии появилась «теория революции», и Дж. Голдстоун детально показал роль перенаселения в революциях XVII-XIX вв.⁷ В отличие от классического мальтузианства демографически-структурная теория Голдстоуна рассматривает влияние перенаселения не только на широкие слои населения, но и на элиту, а также на государство. В изданной в Принстоне монографии П. Турчина и С.А. Нефедова «Вековые циклы» содержится описание в рамках демографически-структурной теории 8 вековых циклов в Римской империи, Франции, Англии и России⁸.

Как выглядит российский кризис начала XX в. с точки зрения теории циклов? Прежде всего возникает вопрос, достаточно ли велика была плотность населения в России, чтобы можно было говорить об аграрном перенаселении? Б.Н. Миронов пишет, что «до 1914 г. плотность населения даже в Европейской части страны не поднималась выше предела в 25-35 человек на квадратный километр, который угрожал аграрным перенаселением»⁹. Да, во всей Европейской России, считая северную тундру, плотность населения в 1914 г. составляла 30.3 человека на кв. версту, или 26.6 человека на кв. км¹⁰. Но практически во всех земледельческих губерниях она намного превосходила предел в 35 человек на кв. км, который, по Миронову, «угрожал аграрным перенаселением». Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любой справочник. В 1913 г. плотность населения в Рязанской губ. составляла 66.2 человека на кв. км, Курской - 70.1, Полтавской - 76.1, Подольской - 96.6 человека на кв. км, и т.д.¹¹ Таким образом, Миронов одной фразой доказывает то, что пытается опровергнуть - в земледельческих губерниях Европейской России действительно имело место аграрное перенаселение.

Однако для того чтобы более полно ответить на вопрос о мальтузианском характере российского кризиса, необходимо проанализировать динамику потребления в течение длительного, примерно столетнего периода, предшествовавшего революции. Динамика урожаев, сборов и потребления хлебов обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов и материалам Центрального статистического комитета МВД (ЦСК). М.И. Роднов справедливо отметил отсутствие критического анализа этих данных в современных исследованиях¹², поэтому необходимо уделить этой проблеме некоторое внимание.

Сведения об урожаях собирались во второй половине XIX в. ЦСК, Министерством земледелия и земствами. Известно, что для сбора данных ЦСК через волостные правления распространял около 100 тыс. стандартных анкет с вопросами об урожайности и посевных площадях. С другой стороны, Министерство земледелия использовало сеть добровольных корреспондентов, которые предоставляли сведения как о своих хозяйствах, так и о хозяйствах соседей. Этим корреспондентов было сравнительно немного (до 8 тыс. человек), они обычно принадлежали к числу крупных и успешных хозяев, и в силу этой специфики поставляемые ими сведения об урожайности, с точки зрения самого Министерства земледелия, были завышенными¹³. В 1893 г. А.Ф. Фортунатов установил, что это превышение (по сравнению с данными ЦСК) составляет примерно 7%¹⁴. Фортунатов согласился с тезисом о завышенности корреспондентских данных Министерства земледелия, но полагал, что цифры ЦСК, в свою очередь, несколько занижены, т.е. реальная урожайность находится где-то посредине¹⁵. В 1915 г. Д.И. Иван-

цов сравнил различные данные об урожайности ржи по 18 губерниям за период от 7 до 26 лет и подсчитал, что в среднем указанное превышение составляет 11-12%, а цифры земств превышают данные ЦСК на 9-10%¹⁶. Сравнение посевных площадей было проведено за один год для 5 губерний; данные земств оказались на 4% выше, чем данные ЦСК¹⁷. Иванцов считал, что проведенный им анализ является достаточно «беглым»¹⁸ и не предлагал, основываясь на нем, вводить какие-либо коррективы в официальную статистику.

В 1924 г. появилась статья С.Г. Струмилина¹⁹, в которой он утверждал: Госплан СССР, построив зерновой баланс для 1906-1914 гг., нашел, что расходная часть на 19% превышает официальный валовой урожай по данным ЦСК. Струмилин считал, что данные баланса согласуются с результатами Иванцова²⁰. После этой статьи Госплан некоторое время давал в своих изданиях величину предвоенных урожаев с надбавкой в 19%, однако ЦСУ СССР никогда не применяло этой надбавки. Сотрудница ЦСУ Н. Виноградова в 1926 г. опубликовала большую статью с подробным сопоставлением всех имевшихся данных об урожайности по сведениям ЦСК и земств²¹. Оказалось, что данные земств зависели от применяемой методики: если их поставляли добровольные корреспонденты, то они - как данные Министерства земледелия - превышали цифры ЦСК, если же их получали через опросы, проводимые администрацией или через оценки волостного правления и сельских старост, то они оказывались ниже данных ЦСК²². «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, - подводит итог Н. Виноградова, - то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено в оригинале. - С.#.)²³. Статья Виноградовой до сих пор является наиболее детальным в российской историографии исследованием проблемы сопоставимости данных урожайной статистики. По-видимому, основываясь на этих материалах, Госплан в дальнейшем отказался от применения поправки в 19% и стал использовать (как и ЦСУ) данные ЦСК.

Такова ситуация с урожайностью. Что касается валового сбора хлебов, то он определялся ЦСК путем умножения урожайности на величину посева или посевных площадей. Данных о посевах Министерство земледелия не собирало, а в земских обследованиях они присутствуют крайне редко. Однако имеется еще один независимый источник, позволяющий оценить достоверность данных ЦСК о посевах, - данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. Миронов пишет, что «в целом по всем хлебам и картофелю различие составило 3% в пользу переписи»²⁴, и именно на эту цифру увеличивает данные ЦСК²⁵. Но такая поправка не имеет никакого фактического основания: источник, на который ссылается Миронов, прямо указывает, «что в общем по 46 губерниям Европейской России посевные площади под всеми главными хлебами по данным переписи оказались несколько *меньше* площади [Центрального статистического] комитета»²⁶, уточняет - на 3,8%²⁷. Особое совещание по продовольствию сделало из этого сопоставления вывод, что в целом данные ЦСК вполне достоверны²⁸. Эти выводы в конечном счете определили подход советских аграрных историков к проблеме сопоставимости статистических материалов: советская историческая школа традиционно использовала статистику ЦСК «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных»²⁹.

Западная историческая школа долгое время продолжала использовать 19% надбавку Иванцова - Струмилина³⁰. Перелом в мнениях западных историков произошел только в 1974 г., когда появилось детальное исследование С. Уиткрофта³¹. Последний, в частности, разрешил вопрос о происхождении надбавки Иванцова-Струмилина, и выяснил, что, во-первых, материалы Иванцова совершенно недостаточны для введения каких-либо поправок. Во-вторых, он нашел в работе И. Аделунга³² зерновой баланс Госплана, на который ссылался Струмилин, и проанализировал причины различия данных в расходной части бюджета с данными ЦСК о валовых сборах в его приходной части. «В основном это различие можно объяснить при помощи норм потребления, которые

были значительно выше, чем обычно используемые для этого периода, - отмечает С. Уиткрофт. - Может быть подсчитано, что Аделунг использовал личную норму потребления в 21 пуд на душу в год, в то время как норма, принимавшаяся А.В. Чайновым, А.Е. Лосицким, С.А. Клепиковым, Р.Я. Поповым и даже Н. Ясным, не превосходила 17.2 пуда»³³. В итоге, английский исследователь сделал вывод, что введение поправки в 19% было необоснованным³⁴. Правда, в работе 1974 г. Уиткрофт не отвергал полностью возможности введения менее значительных поправок, например, 7-процентной поправки Фортунатова, и некоторые западные историки, в частности П. Грегори, такую поправку применяли³⁵. Однако в дальнейшем Уиткрофт и Р. Дэвис пришли к выводу, что «урожайные данные ЦСК были достаточно надежными»³⁶.

В настоящее время Миронов выступает за введение поправок к данным ЦСК, хотя еще недавно, в работе 2002 г., он не видел в этом необходимости³⁷. Основной его аргумент - ссылка на мнение Струмилина о балансе Госплана³⁸. Но как уже отмечалось, Уиткрофт установил нереальность этого баланса. Тем не менее Миронов вводит 10-процентную надбавку к данным ЦСК и губернаторских отчетов³⁹. При этом он не только произвольно завышает истинные размеры потребления, но и искажает его динамику, так как губернаторские отчеты, по его собственному признанию, давали данные, заниженные по сравнению с данными ЦСК на 6.9%⁴⁰. Таким образом, если увеличивать данные ЦСК на 10%, то данные губернаторских отчетов (которые Миронов без оговорок использует в одной таблице с данными ЦСК⁴¹) следует увеличивать дополнительно еще на 6.9%.

С учетом 10-процентной надбавки Миронов получает, что в 1800-1809 гг. потребление продовольствия и фуража на душу сельского населения составляло 365 кг, в 1860-1869 гг. - 320 кг (по данным губернаторских отчетов), в 1909-1913 гг. - 422 кг (по данным ЦСК)⁴². Получается, что потребление за полвека (точнее, за 1890-1913 гг.) увеличилось на 33%; это в значительной мере является результатом несопоставимости данных губернаторских отчетов и ЦСК. Чтобы сделать эти данные сопоставимыми, необходимо увеличить валовые сборы по губернаторским данным на 6.9%; перерасчет дает для 1800-1809 гг. 408 кг душевого потребления, а для 1860-1869 гг. - 359 кг. Миронов принимает, что физиологическая норма потребления хлеба в пищу составляет 287 кг в год, а норма фуража в расчете на человека - 18 кг, в сумме 305 кг. Таким образом, в 1909-1913 гг. потребление (422 кг) превосходит норму (305 кг), и «индекс удовлетворения хлебом и фуражом» составляет 147%⁴³!

Однако Миронов не разделяет потребления зерна в пищу и на фураж, а между тем потребление фуража в этот период сильно выросло из-за распашки пастбищ. В начале XIX в. потребление зерна на фураж было небольшим, и для этого периода его оценка (18 кг на душу населения), по-видимому, близка к реальности. Но затем расходы на фураж возросли. И. Вильсон в 1860-х гг. полагал, что на каждую лошадь в год расходуется 2.5 четверти (14.3 пуда) овса⁴⁴. В Европейской России в это время на душу населения приходилось 0.25 лошади⁴⁵, таким образом, на одну душу требовалось 3.6 пуда овса только для лошадей. С другой стороны, Л.В. Тенгоборский оценивал общую потребность в фураже в 51 млн четвертей, что дает 5.3 пуда на душу⁴⁶. Исходя из этих оценок, можно полагать, что потребление фуража на душу населения составляло 4-5 пудов (66-82 кг).

Для начала XX в. имеются более подробные сведения о потреблении фуража. В сентябре 1917 г. Министерство продовольствия попыталось подсчитать, сколько хлеба уходит на фураж. Были запрошены сведения о нормах кормления скота из губерний, и с учетом данных о поголовье скота, полученных сельскохозяйственной переписью, было установлено, что потребление зернового фуража в Европейской России составляет 778 млн пудов (154 кг на душу сельского населения). К концу года резкое ухудшение продовольственной ситуации заставило специалистов сократить запланированное потребление фуража до 672 млн пудов (133 кг на душу сельского населения) - это была минимально возможная норма кормления животных⁴⁷. Таким образом, можно считать, что в 1909-1913 гг. на душу сельского населения потреблялось 133-154 кг фуража. Не

Душевое потребление зерна в пищу на селе в 50 губерниях Европейской России по расчетам Б.Н. Миронова и с учетом исправленных ошибок (кг в год)

Годы	1800-1809	1860-1869	1909-1913
Расчеты Б.Н. Миронова	365	320	422
Расчет, исправленный с поправкой на заниженность данных губернаторских отчетов	408	359	422
Потребление на фураж	18	66-82	133-154
Потребление в пищу	390	277-293	268-289

18 кг, как (без какого-либо обоснования) считает Миронов, а 133-154 кг! В итоге мы получаем следующую таблицу.

Таким образом, даже с учетом произвольных надбавок Миронова, за 100 лет потребление уменьшилось на треть и упало ниже физиологического минимума (287 кг). Существенно, что падение потребления произошло в основном еще в первой половине XIX в. и в дальнейшем оно находилось примерно на уровне физиологического минимума. В действительности, поскольку динамика расхода на фураж в 1860-1914 гг. в точности неизвестна (ясно только, что он увеличивался), мы не можем судить в деталях о динамике потребления в пищу в этот период. Очевидно лишь, что, несмотря на возможные колебания, потребление оставалось на низком уровне, и этот уровень зафиксировали относительно точные данные ЦСК об урожаях в 1909-1913 гг. и данные Министерства продовольствия о расходе фуража в 1917 г. Таким образом, на протяжении XIX столетия мы наблюдаем вполне мальтузианскую картину падения потребления с ростом населения - так что в итоге потребление падает до уровня минимальной нормы (или даже ниже нормы). Вводимые Мироновым поправки к данным официальной статистики не позволяют сделать вывод о том, что уровень производства «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии». Но с поправками или без них, суть анализируемых процессов не меняется. «По самым минимальным прикидкам, - отмечает и А.П. Корелин, - на продовольствие крестьянской семьи требовалось не менее 18 пуд[ов] на человека и не менее 7.5 пуд[ов] на корм скоту, таким образом, для простого воспроизведения хозяйству требовалось не менее 25.5 пуд[ов] зерна на человека, что было заметно выше средних душевых сборов продовольственного и кормового зерна»⁴⁸.

Собственно говоря, еще недавно Миронов приходил к сходным выводам. «Вследствие роста сельского населения, - писал он в монографии «Социальная история России», - величина земельного надела на душу мужского пола с 1861-1870 по 1891-1900 гг. сократилась всюду, в среднем по Европейской России, с 5.3 до 2.8 га. В результате возникло относительное аграрное перенаселение: по разным оценкам, его величина составляла от 22 до 52% от общего числа работников... С середины XIX в. до 1880-х гг. в целом наблюдалось ухудшение питания... большинства населения России; параллельно этому происходило уменьшение длины тела новобранцев и увеличение доли тех из них, которые забраковывались по медицинским соображениям»⁴⁹. Однако, по Миронову, «кризис носил относительный и временный характер... С конца XIX века происходило улучшение питания, соответственно увеличивалась длина тела и уменьшался процент забракованных для военной службы новобранцев»⁵⁰. Это мнение основывается на приведенных выше подсчетах⁵¹. Еще раз подчеркнем: из увеличения суммарного потребления в 1890-1913 гг. нельзя сделать вывод о росте потребления в пищу: скорее всего, рост суммарного потребления в этот период объяснялся лишь ростом потребления на фураж. Так или иначе, потребление в пищу даже в урожайные 1909-1913 гг. оставалось низким - на уровне или даже ниже минимальной нормы.

Нужно учесть, что при среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу естественного статистического разброса одна часть населения имеет потребление

выше нормы, в то время как другая - ниже нормы. «Благополучная» и «недоедающая» части примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным. Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 г., освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами. В 1877 г. средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян - 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 г. наделы уменьшились и составляли 6,7 и 12,5 десятин соответственно⁵². Эти данные говорят о том, что одна часть крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой.

Вслед за авторами известных «Материалов по продовольственному плану»⁵³ я попытался подсчитать уровень потребления в губерниях, опираясь на данные транспортной статистики⁵⁴. Однако М.А. Давыдов подверг мои расчеты сомнению: «Согласиться с его цифрами я не могу, - пишет он. - В частности, сколько можно судить, он принимает данные урожайной статистики ЦСК МВД, а я убежден, что они занижают объемы сборов»⁵⁵. Данные ЦСК, полагает Давыдов, «по меньшей мере, далеко не всегда являются достоверным источником, а весьма часто они попросту несостоятельны»⁵⁶. Однако я использовал те самые погубернские данные ЦСК из «Материалов по продовольственному плану», на обработке которых основана диссертация самого Давыдова и которые использовались им в этой диссертации без всяких оговорок о «заниженности» или «несостоятельности»⁵⁷. Или, может быть, в связи с изменением позиции автора выводы диссертации подверглись пересмотру? Данные Давыдова о потреблении по губерниям отличаются от моих результатов только тем, что я дополнительно учел расходы на посев и винокурение, а картофель переводился в рожь в соотношении 5 : 1 (как это обосновано у А.В. Чайнова⁵⁸). Более того, и в своей диссертации, и в монографии Давыдов подчеркнул, что «причину упадка российской деревни на рубеже веков нужно видеть в *аграрном перенаселении*»⁵⁹ (выделено в оригинале. - С.Н.). В контексте неоднократно признаваемого им «упадка российской деревни на рубеже веков» приводимые им в последней статье данные о потреблении алкоголя или увеличении вкладов⁶⁰ не имеют существенного значения. Ввиду резкого имущественного размежевания в деревне потребляли алкоголь и преумножали вклады одни, а недоедали другие. Кроме того, известно, что душевое потребление алкоголя в 1860-1900 гг. уменьшилось почти вдвое⁶¹, а рост вкладов мог объясняться ростом сети сберегательных касс. При этом, цитируя и критикуя мои работы, Давыдов не делает ни одной ссылки на них, что находится в вопиющем противоречии с правилами научного цитирования.

Да и стоит ли нападать именно на Нефедова - ведь он излагает вполне традиционную точку зрения? Миронов признает, что «на рубеже XIX-XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени - И.И. Игнатович, А.А. Кауфмана, П.И. Лященко, Н.М. Покровского, Н.Н. Рожкова, А. Финн-Енотасевского и других»⁶². Напомню, что и сам Миронов писал о хроническом недоедании 30% крестьянского населения⁶³. Яркое изложение тезиса об аграрном перенаселении можно найти в работах другого участника дискуссии - М.И. Роднова. «Огромные слои крестьянства просто перебивались разнообразными случайными заработками... а то и нищенством и воровством, - пишет Роднов. - В существовании этих групп и проявлялось аграрное перенаселение. Городская промышленность не могла принять избыточные рабочие руки... Как и в центре России, перед крестьянством Уфимской губернии вставал земельный вопрос. Около 20-30% дворов, сеявшие до 2 дес[ятин], представляли из себя пауперов-полупролетариев, избыточное, ненужное население, которое не могли принять города... Примерно 60% жителей села здесь составляли патриархальные дворы... Вся эта масса вела непрерывную борьбу за выживание, оказываясь в годы частых неурожаев за гранью физиологического существования... В целом, как отметил Дж. Скотт, в начале XX в. традиционное общество оказалось в условиях глубокого и острого кризиса, вызванного в первую очередь, демографическими причинами... Действительно, в российской истории начала XX в. проявились компоненты системного кризиса, присущего "третьему миру" второй половины XX столетия (пере-

населенность, распад традиционной экономики, недостаточность индустриализации, разрушение экологической среды, массовая бедность, процветание немногих экспортных отраслей хозяйства, разложение традиционной морали, рост общей политической нестабильности, и др.)»⁶⁴.

Дополнительное сходство процессам, происходившим в «третьем мире» и в России, придавала начавшаяся демографическая модернизация: уменьшение экзогенной смертности в результате санитарно-профилактических мероприятий. Как было показано в моей предыдущей работе, корреляция между уменьшением смертности и динамикой потребления в России в начале XX в. была слабой или отсутствовала⁶⁵. Об этом пишет и С. Уиткрофт: «В отличие от ситуации в Западной Европе, в России нет никакой корреляции между увеличением потребления пищи и ростом продолжительности жизни»⁶⁶. В истории разных стран известны случаи, когда эффект демографической модернизации приводил к тому, что смертность уменьшалась, несмотря на сокращение потребления. По данным Всемирной продовольственной организации (ФАО), такая ситуация наблюдалась в 1952-1972 гг. в 34 развивающихся странах⁶⁷. По расчетам Миронова, в 1860-1880-х гг. в России имело место уменьшение душевого потребления⁶⁸, и несмотря на это смертность в этот период тоже уменьшилась⁶⁹. «Важно отметить, что снижение смертности в последней трети XIX в. происходило на фоне падения жизненного уровня сельского населения и ухудшения его питания», - признает он⁷⁰. Однако Давыдов, критикуя мою позицию в этом вопросе («к науке это не имеет отношения»), тут же заявляет о том, что он поддерживает точку зрения Миронова⁷¹. Быть может, он не читал и работ Миронова? Ведь в данном случае наша позиция совпадает. Как бы то ни было, эффект демографической модернизации нарушил традиционную связь между смертностью и потреблением, поэтому происходившее вплоть до 1914 г. уменьшение смертности в принципе нельзя рассматривать как свидетельство увеличения потребления.

Главный аргумент Миронова в пользу увеличения потребления в 1890-1914 гг. - его расчеты, показывающие увеличение роста призывников. Необходимо, конечно, признать значимость достижения Миронова, получившего эти новые данные. Для традиционного общества (когда не сказывается влияние факторов модернизации) правомерность использования антропометрических данных не вызывает сомнений, и к ним прибегали многие исследователи, в том числе и я. Возникает естественное желание использовать их и для характеристики потребления в конце XIX - начале XX в. Однако в период модернизации появилось множество новых факторов, демпфирующих характерную для традиционного общества связь между ростом и уровнем питания. Это урбанизация, распространение здравоохранения и санитарии, эффект гетерозиса и т.д.⁷²

Особое значение имело уменьшение экзогенной смертности. Дж. Комлос пишет, что «однозначное определение соотношения между потреблением продуктов питания и ростом затруднено тем обстоятельством, что для преодоления болезней организм использует определенную часть потребляемых питательных средств, вследствие чего рост в детстве и юности определяется эпидемиологической обстановкой»⁷³. Миронов и сам признает, что в период модернизации «питание не являлось фактором полностью или в решающей степени определявшим состояние здоровья населения. Правильнее говорить о целом комплексе причин, таких как жилище, потребление алкоголя, медицинское обслуживание, санитарные условия, распространение отхожих промыслов и др.»⁷⁴.

На мой взгляд, наиболее существенный аргумент против наличия прямой связи между ростом новобранцев и уровнем потребления - это расчеты самого Миронова, показывающие, что в 1860-1890 гг. потребление уменьшалось⁷⁵, а рост новобранцев, родившихся в эти годы, как это ни странно, увеличивался⁷⁶. Таким образом, и в последующий период увеличение роста новобранцев не может служить свидетельством увеличения потребления.

Кроме того, представление о том, что рост характеризует условия жизни лишь в год рождения, по-видимому, является не вполне справедливым⁷⁷. Уиткрофт отмечает, что голод мог привести к смерти младенцев, но если они выжили, то были все шансы, что их рост догонит рост незатронутых голодом детей, особенно в периоды всплеска роста (12-14 лет)⁷⁸. По-видимому, рост новобранца является характеристикой условий жизни не только в младенчестве, но на протяжении всего периода до призыва (средний возраст рекрутов в 1874-1912 гг. составил 20.5 лет). Как полагает Уиткрофт⁷⁹, на динамику среднего роста и на динамику смертности влияли одни и те же механизмы, поэтому естественно предположить наличие корреляции между ростом новобранцев и смертностью. При этом оказывается, что корреляция между смертностью в год рождения и ростом рекрутов призывов 1887-1911 гг. незначительна (-0.45), но весьма существенна корреляция (-0.81) между ростом рекрутов и средней смертностью за время их жизни до призыва⁸⁰. Как было показано выше, уменьшение смертности вызвала демографическая модернизация. Таким образом, весьма вероятно, что и увеличение роста рекрутов было в первую очередь результатом демографической модернизации.

Среди представленных Мироновым антропометрических данных однородными (с некоторыми рассмотренными ниже оговорками) являются лишь данные о росте рекрутов, призывавшихся в 1874-1911 гг. Эти данные характеризуют рост новобранцев в период, когда требования к призывникам официально менялись незначительно. Однако и в указанное время эти данные вызывают естественные вопросы. Если обратиться к погодным данным⁸¹, то увидим, что в 1889-1894 гг. рост призывников увеличился на 1.9 см, в том числе в 1889 г. на 0.7 см. Уиткрофт пишет, что увеличение за один год составило даже 1 см, и называет эти данные «сомнительными»⁸². М. Копсинский объясняет этот скачок «неточностью в том, как военкоматы организовывали сбор данных»⁸³. Конечно, есть все основания сомневаться в точности данных, которые дают скачкообразное увеличение роста рекрутов, родившихся в голодные 1869-1875 гг. Не следует ли сопоставить его с какими-то изменениями в условиях призыва или в методике измерения роста? Как бы то ни было, если мы отбросим это сомнительное шестилетие, то следующие 17 лет дают рост лишь на 1.1 см - величина, достаточно скромная на фоне изменений в другие периоды и явно недостаточная, чтобы сделать вывод о существенном улучшении жизненных условий.

В последующий период (с 1912 г., когда призывали новобранцев, родившихся после 1892 г.) условия призыва резко изменились, и данные о среднем росте рекрутов несопоставимы с предыдущими данными. Чтобы сделать их сопоставимыми, Миронов использует множественную линейную регрессию и метод максимального правдоподобия. Но выборка явно резко несбалансирована и факторы сильно коррелированы между собой, поэтому обработка с использованием линейной регрессии приводит к ряду некорректных выводов. Например, в расчетах Миронова средний (за весь XIX в.) рост 18-летних мужчин получается на 1.73 см меньше среднего роста 17-летних, связь роста юношей и их возраста оказывается немонотонной, а уроженцы 1856-1860 гг. имеют рост на 2-3 см больший, чем рост их старших и младших товарищей⁸⁴. Эти и другие странности говорят о непроработанности используемых статистических методик, что, естественно, порождает сомнения и в конечных выводах, сделанных с их помощью⁸⁵.

Материалы П.И. Зенкевича⁸⁶, использовавшиеся прежде Мироновым⁸⁷ и Уиткрофтом⁸⁸, показывают уменьшение роста мужчин 1899-1909 годов рождения и увеличение лишь для тех, кто родился в 1910-1914 гг. Ситуация еще более осложнится, если мы учтем, что рост характеризует жизненные условия не только в год рождения, но и на протяжении детства и юности. О чем может говорить увеличение роста мужчин, родившихся в 1910-1914 гг. и перенесших в детстве Гражданскую войну, тиф и голод? Может быть, о том, что впоследствии, в 1923-1928 гг., в период усиленного роста этих детей (12-14 лет), санитарная обстановка и питание значительно улучшились? Таким образом, несмотря на большое значение полученных Мироновым данных, их интерпретация на сегодняшний день является еще нерешенной проблемой. «Выводы Б.Н. Миронова о повышении уровня благосостояния русского народа... на базе ант-

ропометрических данных не являются вескими и обоснованными», - отмечает такой крупный специалист, как М. Эллман⁸⁹.

Третий аргумент Миронова в пользу относительного характера кризиса - уменьшение процента забракованных для военной службы новобранцев. По данным Миронова, этот процент увеличился с 11.2% в 1874-1878 гг. до 22.1% в 1899-1901 гг., а затем снизился до 19.4% в 1910-1913 гг.⁹⁰ Очевидно, это незначительное снижение могло объясняться фактическим понижением медицинских требований в период русско-японской войны и во время расширения армии перед Первой мировой войной. Само военное ведомство, обладавшее всей информацией по этому вопросу, полагало, что здоровье призывников ухудшается. «Понижение достатка в земледельческом населении коренных русских губерний, дававших основу нашей армии, - писал военный министр А.Н. Куропаткин, - отразилось понижением физических качеств населения, уменьшением роста, замедлением физического развития, большей восприимчивостью к заболеваниям. Когда земля стала плохо кормить население, увеличилось хождение на заработки, в том числе и в города. В деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик, число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами»⁹¹.

Как отмечалось выше, Миронов утверждает, что положение стало улучшаться «с конца XIX века». Но уже в 1902 г. начались первые восстания голодающих крестьян. В.П. Данилов датирует этими событиями начало революции. По сути, времени на улучшение положения уже не было. Разразившаяся в 1905-1906 гг. крестьянская война имела ярко выраженный мальтузианский характер⁹². Революция привела к политической дестабилизации и к уступкам правительства: сначала к сложению недоимок, а затем и к полной отмене выкупных платежей. Отмененные платежи составляли в среднем около 5% крестьянского дохода⁹³, и потребление после принятия этой меры действительно немного увеличилось, но уже в ходе революции и как ее результат. Однако эта прибавка была незначительна и быстро «съедалась» увеличением населения, в целом же, потребление оставалось на уровне минимальной нормы. Гораздо большее значение имело то, что революция уже началась, доставив крестьянам ощутимые выгоды, и это побуждало их к новым выступлениям. Позднее же, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию⁹⁴.

В своей «Социальной истории России» Миронов цитирует Питирима Сорокина: «Торжество коммунизма - с быстрым прогрессом бедности и голода и с наличием в то время (до революции. - *С.Н.*) “скопов” богатств и имущественной дифференциацией - было неизбежным». «А когда большевикам удалось захватить власть и выполнить требования народа, - продолжает Миронов, - они обеспечили себе его поддержку и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками»⁹⁵. Бихевиористская (по классификации А.Н. Медушевского⁹⁶) теория П. Сорокина вполне совместима с мальтузианством: она полагает причиной революции «невозможность обеспечения необходимого минимума удовлетворения основных инстинктов» - пищевого и самосохранения⁹⁷.

Но к 2009 г. точка зрения Миронова существенно изменилась. Теперь он ищет причины революции в деятельности либерально-радикальной оппозиции: «Таким образом, три российские революции были обусловлены в значительной степени политическими причинами, вероятно, даже в большей степени, чем экономическими, а также блестящей PR-активностью противников монархии. Утверждение “виртуальных фактов” и создание искусственной “действительности” стало частью русской общественной жизни в начале XX в., а PR - ее неотъемлемым элементом... Успех, сопутствовавший практически всем PR-компаниям, продемонстрировал их колоссальные возможности в борьбе за власть. Либерально-радикальная общественность выиграла информационную войну у правительства и благодаря этому смогла захватить власть»⁹⁸.

Насколько велико было значение PR-компаний в революции 1905-1907 гг.? Как известно, прологом революции были крестьянские восстания 1902 г. После восстаний полиция упорно пыталась найти агитаторов-интеллигентов и их «книжечки». «Страшны не книжечки, а то, что есть нечего», - ответил на это один деревенский староста". А.А. Кауфман рассказывает о съезде крестьян-старообрядцев в 1906 г.: «И здесь - все тот же всеобщий вопль о земле, и здесь этот вопль имел тем большее значение, что в нем нельзя видеть продукта какой-либо партийной агитации, напротив, господствовавшее на съезде настроение было определенно-монархическое: старообрядцы все свои надежды возлагали на царя»¹⁰⁰. «Претензии, связанные с тем, что русским крестьянством руководили со стороны, не выдерживают эмпирической проверки», - писал Теодор Шанин о крестьянской войне 1905-1907 гг.¹⁰¹ Действительно, О.Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности политической агитации в Белоруссии в 1907-1914 гг. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды¹⁰². «“Складно говорившие” агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!», - отмечает Буховец¹⁰³. Отторжение было таково, что интеллигенция не могла навязать народу свою «искусственную действительность» даже в тех случаях, когда она совпадала с настоящей действительностью.

Что же касается руководства либералов в Февральской революции, о котором пишет Миронов, то следует напомнить о призыве рабочих к спокойствию, который прозвучал из уст П.Н. Милюкова в начале февраля 1917 г. По смыслу этот призыв совпал с воззванием генерала Хабалова, командующего Петроградским военным округом. Наученные опытом 1905 г., либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлекать в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш», - говорил Милюков 27 февраля, когда революция стала реальностью¹⁰⁴.

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. Западная историография оценивает Февральскую революцию как «неуправляемую, стихийную, анонимную»¹⁰⁵. Ц. Хасегава, автор наиболее подробной немарксистской работы о Феврале, пишет, что «руководители революционных партий не играли большой роли в восстании»¹⁰⁶. «Начало Февральской революции... было ярчайшим проявлением стихийного явления, - пишет Л. Хеймсон, - момент взрыва этих волнений не был предвиден и даже не был признан как решающее революционное событие лидерами ни одной политической партии и фракции, по крайней мере, до 26 февраля»¹⁰⁷. «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», - заключает В.П. Булдаков¹⁰⁸.

Однако Миронов не согласен с общепринятой точкой зрения. «В недавнем исследовании С.В. Куликова, - пишет он, - убедительно показано, что падение царизма являлось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху: на самом деле в ходе февральских событий был реализован план, разработанный руководителями Центрального военно-промышленного комитета... А.И. Гучковым и его заместителями»¹⁰⁹. Может быть, в недавнем исследовании появились какие-то новые сведения? С.В. Куликов начинает свою статью с упоминания о том, что, «как указывал А.И. Гучков, его план остался только в области мечтаний и реального воплощения не получил... Более того, именно Гучков дал авторитетное обоснование версии о стихийном характере Февральской революции 1917 г. Сразу после победы революции, публично отмежевываясь от роли одного из ее авторов, он заявлял, что революция стала результатом не “какого-то умного и хитрого заговора, какого-то комплота, работы каких-то замаскированных заговорщиков”, а “стихийных исторических сил”»¹¹⁰. Но в дальнейшем Куликов пытается доказать, что план Гучкова все-таки был реализован. В литературном журнале «Молодая гвардия» в 1928 г. он находит сенсационное свидетельство меньшевика Н.И. Иорданского. Вот как подает его Куликов: «В ночь с 26 на 27 февраля, по сведениям Н.И. Иорданского, члены “военной

организации” ЦВПК (Центрального военно-промышленного комитета. - С.Н.) “приняли последние решения и наметили первые выступления”, результатом чего и стало начавшееся 27 февраля восстание полков Петроградского гарнизона. “Общая наметка первоначальных операций”, указывал Н.И. Иорданский, была известна “небольшой части солдат”, которая “находилась в сношениях с заговорщиками и имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени”»¹¹.

А теперь посмотрим, что на самом деле писал Иорданский: «Я предполагаю, что восстание 27 февраля в его первой стадии получило направление от неисследованной до сих пор военной организации, связанной с заговором кружка либеральных генералов и антидинастической группы военно-промышленного комитета... Общая наметка первоначальных операций, несомненно, могла быть известна и той небольшой части солдат, которая находилась в сношениях с заговорщиками и имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени... Быть может, именно в ночь с 26 на 27 февраля заговорщики в полках питерского гарнизона приняли последние решения и наметили первые выступления» (выделено мной. - С.Н.)¹². Как видим, у Иорданского все это - ничем не подкрепленные предположения, а Куликов, выбрасывая слова вроде «быть может», превращает их в категорические утверждения.

Конечно, дискуссия об уровне потребления в десятилетия перед русской революцией является чрезвычайно полезной. Новые, прежде всего, антропометрические данные, полученные в работах Б.Н. Миронова, заставляют нас снова вернуться к этой теме и произвести серьезный анализ как традиционных взглядов, так и предложенной интерпретации новых данных. Кроме того, важно учесть и появление новых концепций исторического процесса, представленных прежде всего демографически-структурной теорией Дж. Голдстоуна¹³.

Примечания

¹ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднерусских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. СПб., 1903.

² *Миронов Б.Н.* Униженные и оскорбленные. «Кризис самодержавия» - миф, придуманный большевиками // *Родина*. 2006. № 1. С. 17.

³ *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX - начале XX в.? // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 3. С. 95.

⁴ Подробнее см.: *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; *он же.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. См. эти книги в свободном доступе: <http://hist1.narod.ru>

⁵ *Нефедов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. М., 2008. С. 746.

⁶ См. подробнее: *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов.

⁷ *Goldstone J.A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.

⁸ *Turchin P., Nefedov S.* Secular cycles. Princeton, 2009.

⁹ *Миронов Б.Н.* Причины русских революций // *Родина*. 2009. № 6. С. 81.

¹⁰ *Россия 1913.* Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 20.

¹¹ Там же. С. 18-19.

¹² *Родное М.И.* Третья Россия (о крестьянстве и не только) // *Российская история*. 2009. № 2. С. 165.

¹³ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. 1. СПб., 1902. С. 81.

¹⁴ *Фортуатов А.Ф.* Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 6.

¹⁵ *Фортуатов А.Ф.* Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства. М., 1909. С. 63.

¹⁶ *Иванцов Д.М.* К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 26.

- ¹⁹ Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4-5. С. 58-65.
- ²⁰ Там же. С. 61.
- ²¹ Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. Кн. XXIII. С. 29-84; Кн. XXIV. С. 51-104.
- ²² Там же. Кн. XXIV. С. 88-89.
- ²³ Там же. С. 90.
- ²⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII - начало XX века. М., 2010. С. 290.
- ²⁵ Там же. С. 291. Табл. VII. 11.
- ²⁶ Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Вып. 1. Пг., 1916. С. XI.
- ²⁷ Там же. С. X.
- ²⁸ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX - начала XX в. М., 2004. С. 48.
- ²⁹ Там же. С. 44.
- ³⁰ См., например: *Jasny N. Soviet Economists of the Twenties*. Cambridge, 1972.
- ³¹ *Wheatcroft S. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies*. 1974. Vol. 26. P. 157-180.
- ³² Адельунг Н. Довоенная сельскохозяйственная продукция // Плановое хозяйство. 1925. №11. С. 309-340.
- ³³ *Wheatcroft S. The Reliability...* P. 167.
- ³⁴ *Ibid*. P. 167-169.
- ³⁵ Грегорин П. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- ³⁶ *Wheatcroft S. G., Davies R. W. The crooked mirror of Soviet economic statistics // The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945 / ed. R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft*. Cambridge, 1994. P. 25.
- ³⁷ Миронов Б.Н. «Сыт конь - богатырь, голоден - сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX - начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 37.
- ³⁸ Миронов Б.Н. Благополучие населения... С. 292; *он же*. Достаточно ли производилось пищевых продуктов... С. 91; *он же*. Благополучие населения... С. 292.
- ³⁹ Миронов Б.Н. Благополучие населения... С. 292.
- ⁴⁰ Там же. С. 288, 290.
- ⁴¹ Там же. С. 293. Табл. VI. 12.
- ⁴² Там же. С. 87, 92.
- ⁴³ Там же. С. 92.
- ⁴⁴ Вильсон И. Объяснения к хозяйственному атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 106-107.
- ⁴⁵ Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов... С. 93.
- ⁴⁶ Тенгоборский Я.В. О производительных силах России. Ч. 1. М., 1854. С. 198-202.
- ⁴⁷ Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918. С. 29, 79.
- ⁴⁸ Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 42.
- ⁴⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 60.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Миронов Б.Н. «Сыт конь - богатырь...». С. 37.
- ⁵² Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. М., 1980. Табл. 18.
- ⁵³ Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Вып. 1. Пг., 1916.
- ⁵⁴ Нефедов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX - начала XX века // Российская история. 2009. № 2. Табл. 4.
- ⁵⁵ Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX - начале XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 174.
- ⁵⁶ Давыдов М.А. Об уровне потребления в России в кон. XIX- нач. XX в. (http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=179&Itemid=76).
- ⁵⁷ Давыдов М.А. Рынок и рыночные связи России в конце XIX - начале XX вв.: источниковедческое исследование. Дис.... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 211-217.

- ⁵⁸ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. В 3 вып. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916. С. 47.
- ⁵⁹ *Давыдов М.А.* Рынок и рыночные связи... С. 21; *он же.* Очерки аграрной истории России в конце XIX - начале XX вв. М., 2003. С. 7.
- ⁶⁰ *Давыдов М.А.* К вопросу о потреблении... С. 170-173.
- ⁶¹ *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры по хозяйственному подъему. Т. I. СПб., 1902. С. 180.
- ⁶² *Миронов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис: доходы и повинности российского крестьянства в 1801-1914 гг. // История и математика. О причинах Русской революции. М., 2009. С. 48. См. также эту статью на сайте «Клиодинамика»: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=76.
- ⁶³ *Миронов Б.Н.* «Сыт конь - богатырь...». С. 37.
- ⁶⁴ *Родное М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900-1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2003. С. 255, 401, 405, 411.
- ⁶⁵ *Нефедов С.А.* О связи демографических показателей... С. 155-162.
- ⁶⁶ *Wheatcroft S.* The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 52.
- ⁶⁷ *Княжеская Л.А.* Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980. С. 105, 107.
- ⁶⁸ *Миронов Б.Н.* «Сыт конь - богатырь...». С. 37. У Миронова приводится суммарное потребление хлеба и картофеля в пищу и на фураж. Поскольку из-за происходившей в этот период распада пастбищ потребление на фураж росло, то потребление в пищу должно было уменьшиться в большей степени, нежели суммарное потребление.
- ⁶⁹ *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 188.
- ⁷⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. I. С. 191.
- ⁷¹ *Давыдов М.А.* К вопросу о потреблении... С. 169.
- ⁷² *Властовский В.Г.* Акселерация роста и развития детей. М., 1976. С. 88-99.
- ⁷³ *Комлос Дж.* Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // *Экономическая история*. Ежегодник. 2001. М., 2001. С. 428.
- ⁷⁴ *Миронов Б.Н.* «Сыт конь - богатырь...». С. 40.
- ⁷⁵ Там же. С. 37.
- ⁷⁶ *Миронов Б.Н.* Модернизация имперской России и благосостояние населения // *Российская история*. 2009. № 2. С. 139.
- ⁷⁷ *Элман М.* Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // *Экономическая история*. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 11. М., 2005. С. 164.
- ⁷⁸ *Wheatcroft S.* The Great Leap Upwards... P. 44.
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 35.
- ⁸⁰ Подсчитано по: *Рашин А.Г.* Население России... С. 155-156; *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999. С. 338.
- ⁸¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 338.
- ⁸² *Wheatcroft S.* The Great Leap Upwards... P. 41.
- ⁸³ *Korczynski M.* Agrarian reforms, agrarian crisis and the biological standard of living in Poland, 1844-1892 // *Economics and Human Biology*. 2007. Vol. 5. P. 463.
- ⁸⁴ *Миронов Б.Н.* Состояние и перспективы исторической антропометрии в России // *История и математика: процессы и модели*. М., 2009. С. 52-53. Табл. 4.
- ⁸⁵ Автор признателен доктору технических наук С.В. Цирелю за полезную консультацию.
- ⁸⁶ *Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я.* Об изменении размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // *Проблемы размеров антропологической стандартизации для конструирования одежды*. М., 1978. С. 64-71.
- ⁸⁷ *Миронов Б.Н.* Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным // *Экономическая история*. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 422.
- ⁸⁸ *Wheatcroft S.* The Great Leap Upwards...
- ⁸⁹ *Элман М.* Указ. соч. С. 165.
- ⁹⁰ *Миронов Б.Н.* «Сыт конь - богатырь...». С. 40.
- ⁹¹ *Куропаткин А.Н.* Русская армия. СПб., 2003. С. 176.
- ⁹² См.: *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ... С. 348-352.
- ⁹³ Там же. С. 366.

⁹⁴ *Gatrell P.* The Tsarist Economy. 1850–1917. N.Y., 1986. P. 231.

⁹⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 270.

⁹⁶ *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 5.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Миронов Б.Н.* Модернизация имперской России... С. 153.

⁹⁹ *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997. С. 40.

¹⁰⁰ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 87.

¹⁰¹ *Шанин Т.* Указ. соч. С. 40.

¹⁰² *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 315.

¹⁰³ *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) / Отв. ред. Л.В. Милов. М., 1996. С. 192.

¹⁰⁴ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 46–49, 88.

¹⁰⁵ См.: *Hasegava Ts.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; L., 1981. P. 98.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 314.

¹⁰⁷ *Хаймсон Л.* Рабочий класс в революционных процессах. Россия в XX веке // Историки мира спорят. М., 1994. С. 107.

¹⁰⁸ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 55.

¹⁰⁹ *Миронов Б.Н.* Системный кризис в России в царствование Николая II – факт или артефакт? // Император Николай II и его время // Под ред. В.В. Алексеева и др. Екатеринбург, 2008. С. 39.

¹¹⁰ *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху...» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. Т. 11. С. 161.

¹¹¹ Там же. С. 178.

¹¹² *Иорданский Н.И.* Военное восстание 27 февраля // Молодая гвардия. 1928. № 2. С. 170–171.

¹¹³ Эта тема более подробно представлена в дискуссии, ведущейся (с участием Б.Н. Миронова) на сайте «Клиодинамика» (<http://cliodynamics.ru>) и на страницах альманаха «История и математика».

© 2011 г. Д. Н. БЕЛЯНИН*

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В СИБИРЬ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В 1990 – начале 2000-х гг. в отечественной исторической науке появились альтернативные оценки итогов столыпинских реформ. Особое внимание историков закономерно вызывает при этом переселенческая политика правительства П.А. Столыпина. В отечественной историографии еще с 1930–1950-х гг. прочно утвердилось мнение о полном ее провале. При этом в качестве аргументов выдвигалось как снижение численности переселенцев в 1910–1911 гг., так и массовое возвращение их обратно. В числе первых эти аргументы привел еще в начале XX в. В.И. Ленин¹. В дальнейшем апелляция к высокому проценту обратных переселенцев стала типичной для отечественных историков. Так, по подсчетам А.Я. Авреха, в 1906–1916 гг. из-за Урала возвратилось более 0.5 млн человек или 17.5% переселившихся². Аналогичную оценку дал Л.Ф. Складов³. Е.И. Соловьева сделала вывод, что в результате столыпинской переселенческой политики произошло обострение аграрного кризиса, охватившего

* **Белянин Дмитрий Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент Кузбасского государственного технического университета (Кемерово).